

КРОКОДИЛ

МНОГО ЛИ БЫВШЕМУ ЧЕЛОВЕКУ ЗЕМЛИ НУЖНО?

Рис. Ив. Малютина.

ПОМЕЩИК, ИЗГОНЯЕМЫЙ ИЗ ИМЕНИЯ: — А все-таки и я владеть землей имею право...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ—тов. беспартийные крестьяне! Прошу высказываться смело, не скрывая правды.

ОРАТОР. Хорошо! Я скажу всю правду-матку.

ПРЕДСЕД.—Извиняюсь: как ваша фамилия, имя, отчество?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ—Ваше местожительство?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Чего же вы замолчали?

ОРАТОР—Присоединяюсь к предыдущему...

АГЕНТЫ КОМИНТЕРНА

I.

— Ваше превосходительство, шановный пане, — коммуниста злапали!.. Караул, ратуйте!.. Идет это он по Варшаве, будто безо всяких намерений, а мы его — цоп! Ратуйте, кар-рау-ул!!

— Добже. Но чего-ж, проше пана, пан орет, как недорезанный поросенок? Ведь, не коммунист цопнул пана, а пан цопнул коммуниста?

— Для Европы ору, ваше превосходительство: чтоб вся Европа услышала это самое! Кар-р-раул!.. Очень уж опасный, ваше-ство, коммунист; подрывной агент Коминтерна с террористическим покушением, ваше-ство! Кар-ра-а...

— Не так громко все-таки, проше пана, а то Советское полпредство тоже поднимет шум... Тут нужно выступать во всеоружии: с неотразимыми уликами, с неопровержимыми, проше пана, доказательствами! Улики имеются.

— Господи-ж, ваше-ство: натурально, с поличным поймали! Не вслепую работает. Сунулись, это, мы к нему в карман, к взрывателю-то, а там...

— Бомба?!

— Не бонба. Бонба—что? Ну, ухлопаешь ей человек с десяток: только и всех делов... А тут пошире велась подготовка. Тут такое, ваше-ство, обнаружилось,—аж в глазах потемнение и дух захватило! Вся Европа могла на воздух взлететь, ваше-ство! И как только господь оборонил мерами полиции, ваше-ство!.. На тонюсенький на волосочек от гибели и страшной кончины все были. Сунулись, потому что, в карман мы к нему, а там...

— Ну!..

— Матка бозка, святые угодники,—шведские спички!..

— Ничего не понимаю. Что за странный набор?

— Да не набор, ваше-ство, а спичек коробка. Матку бозку с угодниками—это я для охраны спокойствия поминаю, а в кармане-то во взрывателевом только спичек был коробок. Шведские спички!

— Гм... Спички, говорит пан?..

— Точно так, ваше-ство: двадцать девять штук ровным счетом,—как бога, кохам, и как перед вами стою! Аж сердце, ваше-ство, дрогнуло, как увидели да посчитали. Одной спичкою, ваше-ство, целый огромный пороховой склад можно поджечь, а двадцатью-то девятью штуками... пан Езус Христус!.. Страшно подумать!..

— Д-да... Это, действительно... Посмотрим, проше пана, как-то теперь будет вывертываться Коминтерн! Опять скажет, что это не его рук проделка? Но, проше пана, лопнет же, наконец, и терпение европейских держав! Двадцать девять настоящих спичек, утверждает пан?

— Точно так. Начатый коробок, ваше-ство. Первыми-то спичками, полагать надо, этот самый агент Коминтерна в болгарском соборе снаряд зажигал. Не иначе, как он! Одно плохо: допросить, ваше-ство, не успели...

— Почему?

— Так что, при попытке к бегству застрелился и зарубился саблями, проше пана! Очень уж остервенелый злоумышленник, ваше-ство, и теперь в таком виде, что даже опознать его невозможно.

II.

— Ваше превосходительство, шановный пане,—коммуниста коминтерновского зацапали! Як бога, кохам! Прямо с поличным и со всеми уликами!

— С какими уликами?

— Для производства террористического акта которые не успел, такой-сякой! Покуситься-то: видим, идет подозрительный человек, — ну, и цопнули! А в кармане-то у него...

— Ну!..

— Полный, ваше-ство, ассортимент: и усы накладные, и борода, и бомба фитильная, и маузер-пистолет, и...

— Что-о?.. Бомба?.. Маузер?.. Накладные усы?..

— Так точно, ваше-ство: полное орудие производства! Цопнули мы его, а он...

— О, тысяча дьяблун!.. Этого нехватало! Лайдак, пся крев, проше пана! Ведь, вы, в глотку вам сто чертей, нашего агента-provokatora сцапали! Все дело испортили, десять тысяч чертей!.. Вон!! К чертовой матке!..

— Ва... ва... ва... ва-а...

— Сто тысяч дьяблун! Миллион тысяч дьяблун в золотой валюте!.. Ведь, это только с умыслом можно было устроить! Да где вы видели, где вы слышали, чорт вас возьми, чтоб коммунисты ходили с бомбами и устраивали террористические акты?! Не могли вы не знать, кого хватаете!..

— Ва... ва...

— Вон! Под арест!.. Под суд без суда и следствия!.. Агентов Коминтерна я на службе не по-тер-плю!..

Грамен.

ДЕРЕВЕНСКОЕ

Из-за луга вышел спор,
А мужик на руку скор!..

Саданул Степан Лукьяна,
И Лукьян Степана—хрясь!..

Из-за этого, как спяна,
Мигом свалка началась..
Прибежали три Ивана,
Навострили кулаки:
Три Ивана на Степана,

На Егора два Луки.
Гришка с Мишкой, Прошка с Трошкой
Засучили рукава;
Федор Силин, нос картошкой,
Всех швыряет, как дрова.
Ленька с Пронькой жмуг Емелю,
Николая бьет Пахом..
Верись, больше чем неделю
Поправлялись мы потом...

Те, что хворости не знали,
Стонут вот уж цельный год...
Два ребра Петру сломали,
Стал Никифор... безбород...
— Ну, а луг?..

— С дележкой луга
Мы не знали больше мук:
Ведь, на нем тузя друг друга,
Истоптали мы весь луг...

М Андр.

„Известия ВЦИК“.

Всегда на том же самом месте,
Сплетая цепь знакомых слов,
На первой полосе „Известий“
Царит немеркнущий Стеклов.
В неделю раз или два, примерно,
Длиной столбца пугая взор,
Один из членов Коминтерна
Даст политический обзор.
Премница великой Чарской
З. Рихтер льет густой сироп,
И иногда сам Луначарский
Врагам в подвале строит гроб.
Живописует Петр Ашевский,
Гражданский чувствуя восторг,
Нарпит, нардом и праздник шефский,
Суды, парады и Госторг.
В конце — наркома новый „опус“
Ругнуе, — похвалит драомтдел...
И Капабланки новый фокус
Являет шахматный отдел.
Глотнет читатель строчек триста,—
Зевнет, с лица сгоняя тень:
— Н-да... скучновато и... стеклисто,
Одно и то же — кандаый день!

„Рабочая Газета“.

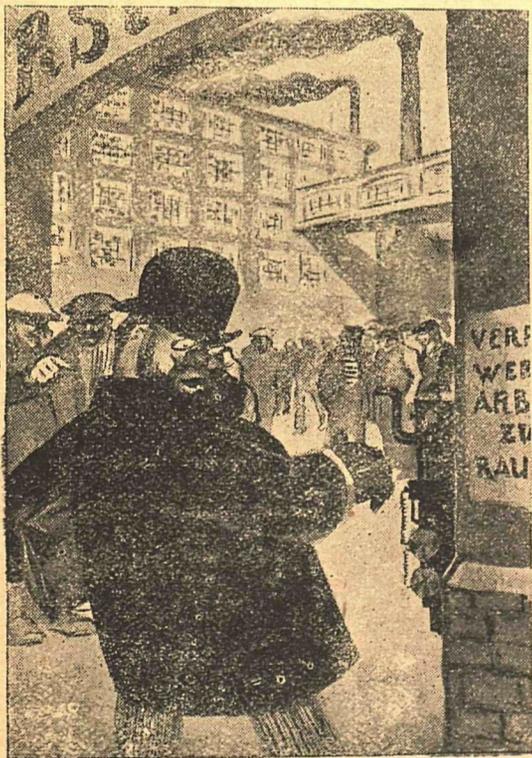
В пяти строках — про то и это...
В восьми строках — про целый свет...
Пестрит „Рабочая Газета“,
Как разноцветный виноград.
Шрифты, подзаголовки, „шапки“,
Здесь — восклицанье, там — вопрос...
„Съезд Р. К. П.“, „Липта и бабки“,
„Цанков“ (портрет: усы и нос),
„Под суд хозяев“, „Физкультура“,
„Китай“, „В вабиоровских иржухах“.
И здесь и там карриатура
И подпись грустная в стихах.
„Роман „В ЦЕПЯХ“ — начнется завтра!“
„Нет прозодежды!“ — „В Це-На-На“.
И под заметкой — скромный автор:
„М. С-ский“, „Б. С-ко“, „Рабкор Эп-ка...“
По слухам, сам Демьян маститый,
Всеобщей следуя судьбе,
Стихи в сто сорок строк петита
Едва не подписал „Д. Б.“...
Но все же — лести здесь не место —
(Хоть нам „Раб. Газ.“ — водная мать!)
Газетное сырое тесто
Умеют здесь напиговать,

Вас. Лебедев-Кумач.

МЕДНЫЙ ЛОБ.

— В Германии изобретен электрический аппарат, предназначенный для производства обысков у рабочих металлургических заводов. Если рабочий выносит какой-нибудь инструмент или кусок металла, то аппарат издаст свистящий звук.

Рис. В. М.

— Что это аппарат свистит? — Меншевик мимо идет...

РЕКЛАМА лишь тогда достигает цели, когда она обращает на себя внимание.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕКЛАМА обращает на себя внимание.

1) новизною, 2) техническим выполнением в несколько красок, 3) содержанием.

В „КРОКОДИЛЕ“ художественную рекламу выполняют лучшие художники.

В „КРОКОДИЛЕ“ реклама может быть оппечатана в несколько красок на машинах „ОФСЕТ“.

Реклама в „КРОКОДИЛЕ“ всегда достигнет цели.

Заказы принимаются по телефону № 2-45-23 и специальными уполномоченными.

У Р А.

Лучше Березкина во всем городе с 50-тысячным населением никто не кричал „ура“.

Много „ура“ слышал я на своем веку. Но все это не то. Мелко. Воронье карканье — не больше.

То ли дело, когда Березкин, прижавшись к стене, закрывал глаза и так широко растягивал свою мялку, что туда, не задевая ни одного зуба, вскочил бы футбольный мяч... То ли дело, когда лицо Березкина пылало синим огнем, и из впалой груди его выкатывались громовые раскаты, — трескучее и яростное „ура“.

Именно „уру-у“, а не какое-нибудь малокровное ура.

Правда, и Березкину не сразу удалось достигнуть такого мастерства.

Помню, еще в 19 году он кричал „ура“ очень нерешительно и вяло.

Но уже в 1923 о Березкине говорили определенно:

— Ах, это тот самый, который?..

— Далеко пойдет!..

Или, например, когда рассматривался вопрос о сокращении штатов.—

— Березкин Павел.

— Этого, конечно, нужно оставить, — сказал кто-то из комиссии.

— Несомненно, оставить, подтвердили и остальные, — это нужный человек... Ведь он так агитпропно кричит „ура“...

Многие ему завидовали. Но еще больше ему подражали и заискивали...

Перед общими собраниями и перед праздниками Березкин тренировался:

— Манечка — просил он свою жену, — ну-ка, сыпь лозгуны!

И пел нежный голос его супруги: Мы достигли в производстве 150% довоенной выработки!

— Ур-р-у!

— Да здравствует тов. Финькин (местный преуисполкома).

— Ур-у-у.

— Во всем мире нет лучше нашей простокваши!

— Ур-у-у!..

В вечер накануне рокового дня Манечка была в кинематографе, и Березкин сам себе мысленно шептал лозунги и покрывал их могучим „уру“. Лежал на диване Березкин и улыбался. Радостью и самодовольством хлопотало его 35-тилетнее сердце. Он даже подпрыгнул, хлопнул себя по затылку и, притопывая ножкой, прогремел:

— Да здравствует тов. Павел Березкин!

— Уру-у! Уру-у!

* * *

Как всякий артист, перед своим выступлением Березкин нервничал и много курил. Сегодня он особенно волновался, так как докладчик был из губернии...

Но вот Березкин уже приткнулся к стене, что между двумя окнами напротив президиума, и ждал сигнала.

Он не слушал, о чем говорил оратор. Думал только об одном: скоро ли он кончит, и скоро ли, наконец, можно будет себя показать...

И когда Березкин чутьем понял, что скоро он зажмурился, запрокинул голову и окончательно приготовился к „уру“.

И вдруг услышал:

„Товарищи, разрешите мне на этом мой доклад закончить. Итак, больше дела, деловой критики, практических указаний, — и меньше „ура“.“

Как, — вскрикнул побледневший Березкин, — Как же без ура?

Но никто на него не обратил внимания. Никто ему не сочувствовал.

Братцы, пожалейте его! Что он теперь будет делать?!

Б. Левин.

ИЗ-ЗА ПЕРЕГРУЗКИ.

„Наши сельские работники так перегружены, что даже некогда... жениться“.
Из письма селькора Климова.

Эх, на сердце стало сладко!..

У портрета Ильича

Увидала делегатка

Молодого избача.

Бодрый сельский пролетарин,

Был Кузьма не без красоты:

Глаз имел он темно-карий

И „буденные“ усы.

Приходила без печали

Маша раза три на дню:

— Ликвидировать нельзя-ли

Литнеграмотность мою?

— Отчего-же? В два мгновенья!

И избач ей в тот же миг

Предоставил для прочтенья

Пару самых лучших книг.

Заходила в избу смело

Делегатка вновь и вновь.

С разрешения Женотдела

В сердце вспыхнула любовь.

Делегатка молодая

По душе и избачу,

— Сердцем, так сказать, страдая.

Взять вас в жены я хочу!

Объяснились. Все, как надо.

Их любовь — уж не секрет.

Все же — жкая досада! —

Красной свадьбы нет, как нет.

Были-б счастливы девица

И лихой избач Кузьма,

Но... им некогда жениться,

Потому — работы тьма!

Доль...

БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ.

Раннее утро.
Земля голубеет паром.
Пыль, как пудра,
Висит над базаром.
Льдинкой за ворот
Бежит холодок.
Зевая, встает городок.—
Уездный советский город.
Нынче и встать не лень:
Нынче—базарный день.

Трещат оглобеля корявые слуги,
Скрипят колеса без дегтя.
В кучу сбились телеги,
Работают глотки и локти...
Здесь—горшки,
Там—мешки,
Тут—духи и гребешки
И из глины петушки.
Детские игрушки,
Куклы, сабли, пушки.
Здесь—посуда, там расада.
— Нету кос—одна досада!
— Нехватило нынче кос,—
Потому на косы—спрос.
— Ну, а это что?—Лемех!

— Не лемех, а смех!
— Вот платки —
Как цветки!
Эй, красавицы!
По рублю
Уступлю!
— Нам не нравятся!
— Чем не нравятся, невеста?
Глянь-кось, прямо из-под треста!
Покупаешь что-ли? Ну?
За полтину заверну!..

Бабий голос издадека
Голосит фистулой из шарманки:
— Молока! Молока! Молока!
Сметанки свежей! Сметанки!

Молодцу из Госпалатки
Нехватает нужной хватки,
На лице—ислуг:
Рвут товар из рук.
— Эй, куда ты, милый друг?
Заплати сперва рупь двадцать!..
И вдруг:
— Держи его, братцы!
Ситец-то... ситец спер!
Держи! Держи-и! В-о-о-о-р!
— Кого держать-то? Рехнулся что ли?

Ищи теперь ветра в поле!
Чай не в первый это раз,—
Тут брат нужен глаз да глаз!

За палаткой „Госметра“,
Расписанной пестрой краской,
Баба с великой опаской
Садится „до ветру“.
И смотрит с робким испугом
На плакат, где ловко и хитро
Нарисованы друг за другом
Метры, кило и литры.

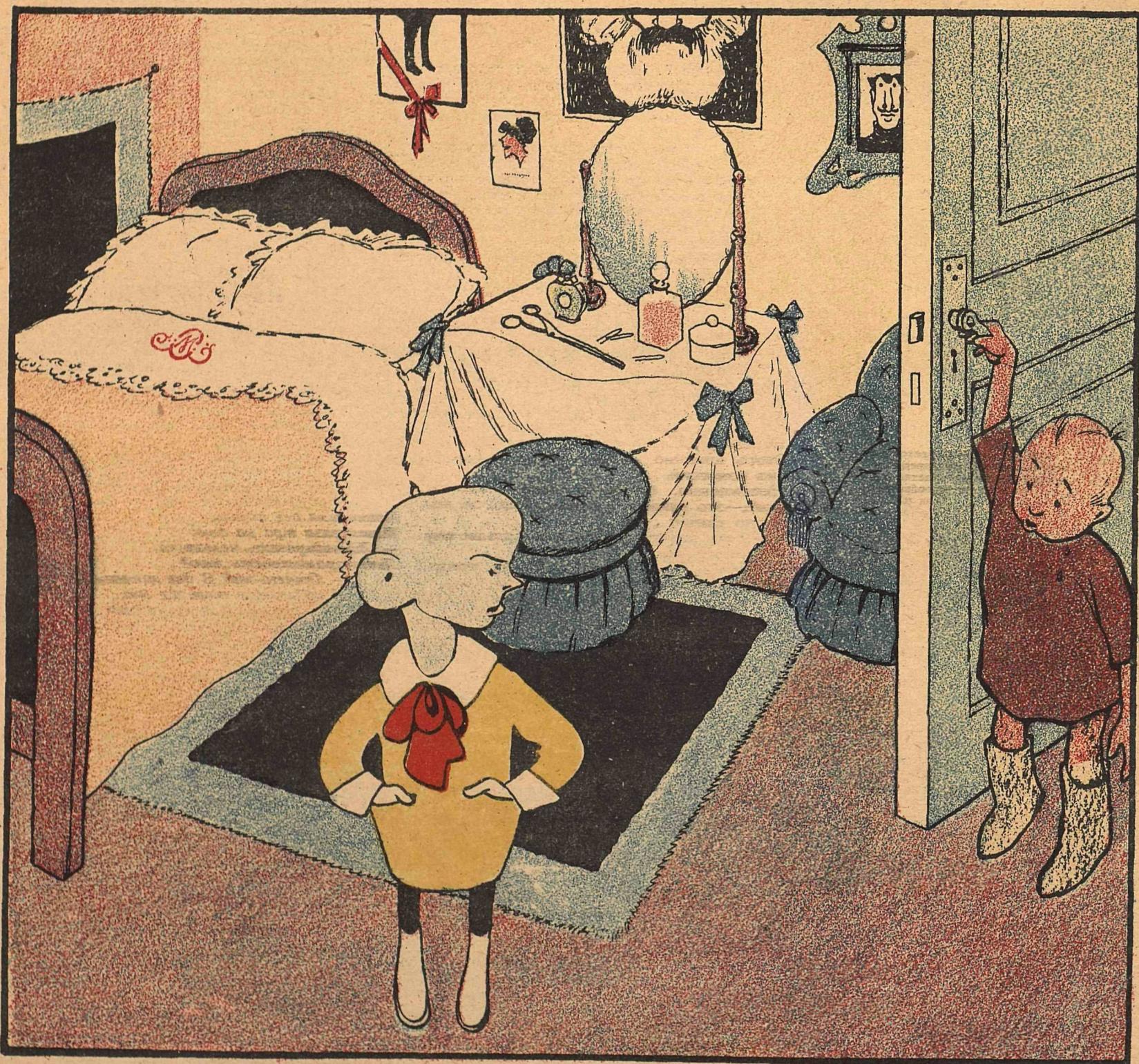
— Петька, поставь-кась туда, в уголок
Наш полук,
А то сопреет на солнце баранина!..
В чайной „Дома Крестьянина“,
Рядом с безбожным клубом,
Вскипает, дрожа, куб за кубом.
— Нешто напьешься—один расход!
Сколько ни пей—уходит в пот!

Солнце, минуя низкие крыши,
Лезет все выше и выше...
Кипит базар в потном раже...
— Ну, и жара-же!
— Да, уж... Каргуз—и тот промок,
Что говорить! Хо-ороший денек!

Вас. Лебедев-Кумач.

Рис. К. Елисеева.

„ОТЦЫ И ДЕТИ“.

— Ты, Петька, зря пришел. Мне папа не велел с тобой играть: у тебя отец беспартийный. Но ты не беспокойся: моего папу скоро вычистят, тогда наиграемся.

На пароме собралось уже порядочно народу, но паромщик не торопился.

— Благодать! — сказал я. — А все-таки вымочило озими местами...

Старик, дремавший до моих слов рядом со мной, недоброжелательно меня осмотрел и спросил:

— Не из коммунистов будете?

— Нет. А что?

— Бога забыли... Вот и вымочило, — неожиданно и твердо объяснил он. — И не так еще вымочит, мил-человек...

Кое-кто из стоявших на пароме подошел послушать начинавшийся, повидимому, диспут. Среди внимательных крестьянских лиц бросалось в глаза лицо человека в городской одежде, с подстриженными усами и острым взглядом.

— Человеку, мил, закон положен... Животное свой закон имеет, человек — свой... Его же не преидеши... Так-то-с. Вот, к примеру, скажем — брак... Известно дело — таинство. Да прилепится жена к мужу и да будут два плоть едина. А ты как думаешь? Пооктябрьишься — думаешь? А мать кто будет?

В толпе произошло сочувственное движение. Я находился в явном затруднении. Я был молод и умел отвечать только на то, что имело смысл.

Но старик продолжал:

— Ты же, мил-человек, и помаешься! Потому — закона не преидеши... Вот Яшка Петров да Маланька Жаворонкова, — тебе-то они не знамы, ну а земляки помнят, — те закон и преидеши... И что же? Яшка-то, он в совхозе в Балашиновском головой был. Чего-чего, бывало, к отцу домой не припрет... И сена, и леску, и телку породистую! Как люди, Петровы-то жили! Терпел господь, даром что Яшка — безбожник... Девченка — та и соблазнилась хорошей жизнью... «Пойду, да пойду за него замуж»... А как Яшка в комсе состоялся, то, известно, находился под церковным запрещением. Однако, заместо, значит, церковного обряда попели над ними в комсе разную Карлу Марлу и что там полагаются, и баста! И что же думаешь? Стерпел господь? То-то-что вот не стерпел! Недели, глядь-ка, не прошло — попросили Яшку из совхоза. Еще через три дня описали, вишь, Яшкиного отца. Позавчера — взяли самого Яшку в город... Понимай — к чему клонит! Потому как человек свой закон имеет, животная — свой, его же не преидеши... Так-то, молодой человек!

— Но это же ничего не значит! — вскричал я. — Яшку могли арестовать и в том случае, если бы он обвенчался в церкви! Ведь Яшка же, по вашим же словам, — жулик!

Однако, успеха я не имел.

— Сам, должно, из таких! — раздался голоса. — Слепому не укажешь... Бельма-то бы протер...

И в эту как раз критическую минуту вмешался человек с городским видом и острыми глазами.

— Знаю я Яшку Петрова, — сказал он тихо, но слышно. — Не иначе, как сгиб он по причине своего брака...

— Так, голубь, так...

— Обвенчайся он, как полагается, — ничему бы не бывать...

— Что правда, касатик, то правда...

— Оженись он в комсе, — ну, и ладно, и дело с концом! — отрезал городской.

Старик молча покосился на него, выжидающе.

— Однако же Яшка, — докончил тот, — сыграл и нашим и вашим. В воскресенье справил комсомольскую свадьбу, а в субботу вишь... тайком обвенчался в церкви!

— Вре-ешь? А-ах, ты, мать!... — прошестел среди слушателей.

— Видите! Видите! — вскричал я, но городской перебил:

— Бога-то Яшка, кажись, надул, а комитет — шалишь, брат... Ну, думает комитет, если ты в небесных делах — жулик, то надо посмотреть из ков-то ты в земных? Оказывается, — жох тоже...

У слушателей были широко открыты рты. Передняя баба не замечала ползавшую у нее на носу муху.

— Так что, дедушка, — улыбнулся городской, — рассуждение твое — не того. Загубила, значит, Яшку его святая вера...

В эту минуту паром тронулся, дрогнув.

— И ты, старик, на бога зря не вали... Наказали Яшку за обман и жульство союз и советская власть... Из-за церковного венчания все и вышло. Потому — каждый комсомолец тоже свой закон имеет, его же не преидеши... Так-то, мил человек!

Дед опустил голову и сделал вид, что дремлет.

День был теплый, прозрачный, река синяя.

В. Авиллов.

— Эх, и сон же я сейчас видел на собрании...

ЗВЕЗДАКИН В ДОМЕ ОТДЫХА.

Я любил Звездакина. Меня умиляли его радостная, розовая физиономия и легкомысленный нрав. Я сказал ему:

— Дурак! Поездка в дом отдыха разрушит жалкие остатки твоего здоровья. Тебя заедит небывалое количество мертвых тел, которые, в самых неожиданных местах, будут возникать на пути твоего следования! Тебя доканают разнузданные толпы здоровенных толстых завов с бычьими шеями, которые будут нагло приспавать к тебе с домино и шахматами! Тебя окончательно угробят умильные взгляды золотушных девиц, желтые изголодавшиеся глаза которых будут недвусмысленно выражать буйное желание опутать тебя сетями Гименея. Вышеозначенные факторы окончательно загубят твое, и без того пошатнувшееся здоровье. И погибнешь ты, Звездакин, вдали от отчего дома под циничный хохот грузных «ветеранов отечественной войны», которые, при ближайшем рассмотрении, окажутся содержателями вино-гастрономических магазинов Мосгико. И некому будет, дорогой Звездакин, закрыть твои честные голубые глаза в предсмертный час! Мне жаль тебя, Звездакин. Мне жаль тебя, дружище, до боли в груди!

Желтая, грязная слезинка прокатилась по моей любящей щеке.

Звездакин сразу осунулся и посерел. Его жизнерадостные глаза погасли.

— Звездакин! — сказал я, — остановись! Еще не поздно... Ты должен отказаться от твоей безумной затеи.

— К сожалению, — промямлил Звездакин, — это невозможно. Я уже купил койку и железнодорожный билет. Я решил оправдать свои деньги, даже если бы это стоило мне жизни.

— Прощай, друг...

В глазах Звездакина блеснул какой-то странный огонек.

— Знаешь что... — сказал он, — я...

Поезд тронулся.

После семи бессонных ночей, проведенных в мрачном раздумьи о судьбе Звездакина, я сел в дачный поезд и помчался в тот самый дом отдыха, который был последним земным пристанищем моего незабвенного друга, и носил соответствующее название — «Упокой».

Войдя в красивый густой сад «Упокой», я был поражен могильной тишиной, повеявшей на меня с пустынных, заброшенных дорожек и не менее пустынных садовых скамеек.

Из-за деревьев выглянуло бледное бородастое лицо. Увидев меня, лицо это перекопилось, и до моего слуха долетел придушенный вопль:

— Он там! Лежит в столовой!

— Кто? Звездакин? — вскрикнул я, предчувствуя близость трагической развязки.

Лицо шарахнулось в сторону и прослонало:

— Конечно, Звездакин! А то кто же!

Сбивая на своем пути кусты каких-то гнусных тюльпанов, я бешеным галопом поскакал к дому. Оставил за собой несколько пустых комнат, утыканных койками. Достиг столовой.

Мое сердце тоскливо сжалось.

— Эх, Звездакин, Звездакин, — думал я, — еще так недавно ты, полный сил и молодости...

Я отворил дверь.

Первое, что я увидел, было полосатыми чулками и желтыми ботинками Звездакина.

Сам Звездакин покоился в гамаке, наскоро протянутом через всю комнату.

Я обнажил голову и на цыпочках подошел к телу. Тело приоткрыло один глаз и улыбнулось розовой улыбкой ребенка.

— Вот не ожидал, — сказал Звездакин бархатым баритоном. — Не хочешь ли стаканчик «напарули»?..

— Как видишь, мне не приходится жаловаться на судьбу, — нагло сказал Звездакин, — мертвые тела, которыми ты меня пугал, с моего пути устранены. Разнузданные толпы завов гнездятся вместе со своими шахматами и домино в каретнике и на каких-то чердаках... Что же касается ветеранов отечественной войны, которые, по твоим предсказаниям, должны были бы теперь хохотать над моим трупом, и золотушных девиц, собиравшихся опутать меня сетями Гермеса, или как его, то ты можешь на них полюбоваться...

Звездакин лениво поднялся и отдернул штору.

Вдали, за садовой оградой, вдоль пыльной, залитой солнцем, дороги, плотной стеной стояли ободранные, изможденные фигуры, среди которых я заметил и женщин. При виде Звездакина, они взметнули худыми зелеными руками и исчезли в облаке пыли.

— Видал миндал? — сказал Звездакин, подмигивая. — Бедняги выглядят неважно. Надо признаться, что они за последнее время немного одичали. Но это ничто по сравнению с экземпляриком отдыхающего бухгалтера, который уже пятый день скрывается в дворовом ватер-клозете... Хочешь, покажу?

— Довольно! — прохрипел я, закрывая лицо руками: — ты гений, Звездакин!

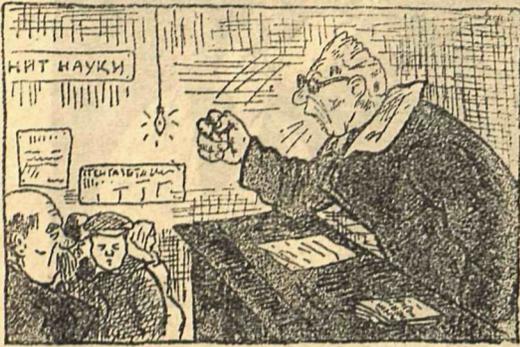
— Ну, уж и гений. Ты слегка преувеличил... Я просто назвался агентом по распространению подписных изданий Госиздата, портретов вождей и значков добровольных обществ...

Я был подавлен.

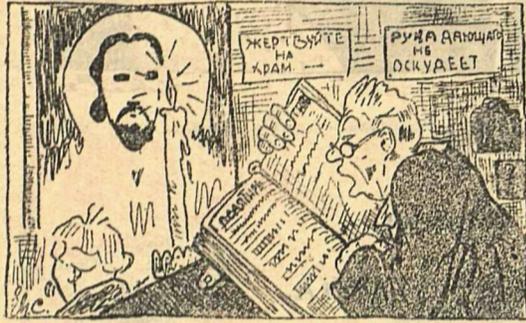
Иностранец Федоров.

СТРАНИЧКА РАБКОРА.

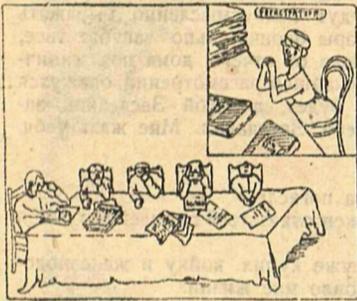
(Рисунки наших рабкоров)

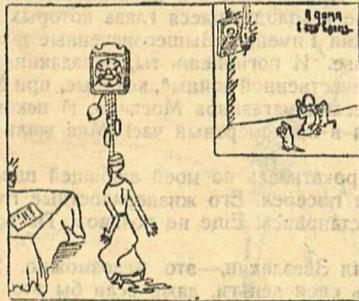
Есть и такие лекторы. днем читает полниграмоту.

а вечером псалтырь.

— Кого бы сократить?

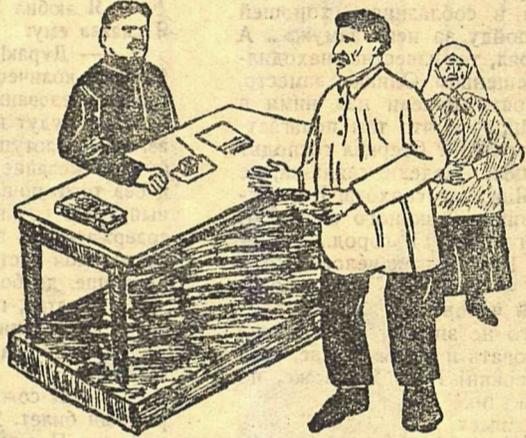

Конечно, регистраторшу!

В поликлинике страж-кассы симулянты грозят врачам насилем, требуя отпуска.

— Даешь отпуск больному пролетарию, зараза!
— Дам. Только отпусти ты мне душу на покаяние.

— Гражданин судья, она моя жена, и я имею право ее бить.
— Вы ошибаетесь: бить жену нельзя!
— За что же меня тогда судят: ошибка не преступление, на ошибках мы учимся.

— Ты, Тарас Митрич, коммунист, а пьянствуешь.
— А я, мил человек, борьбу с пьянкой веду. Выплю лишнюю бутылку, другого от пьянства спасу...

Остатки прошлого.

ВИАРЫ В БОК

ВЫСОКИЙ ПОЛИТИК

На заседании завкома электро-группы «Красная турбина», в гор. Грозном, т. Филатов, при разборе обычного скандала хозяек на кухне, заявил, что он имеет классово-политический характер. Завком по его докладу постановил вызвать агента милиции на место происшествия.

И чего только зевает Наркоминдел? Таких, как Филатов, не много в СССР. Кухонными политиками дорожить нужно.

ЗАДАЧА ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА.

2-й участок Волг-Касп-рыб-треста написал отношение в МРКК при об'едпроме № 21, с просьбой уволить машинистку управления. Отношение шло ровно целый месяц, в то время как расстояние между ними 25 сажен.

Бумажка об увольнении машинистки проходит 25 сажен в месяц. Спрашивается: с какой скоростью она будет двигаться, если нужно будет уволить зава или помзава?

КУЛИЧ ПОД АНТИРЕЛИГИОЗНЫМ СОУСОМ.

В гор. Кургане окрженотдел устроил на пасху «антирелигиозный» вечер. Ни одна женщина-работница на вечер не пришла. Расселись расфуфыренные жены ответственных работников и, выслушав доклад, в двенадцать часов ночи, как полагается, начали разговляться принесенными куличами.

Сделано громадное упущение, сводящее на нет всю антирелигиозность вечера: забыли яйца крашеные приготовить.

О СОБАЧЬЕЙ ДОЛЕ.

Тимофеевский сельсовет Каминской волости, Тамбовской губ. и уезда постановил обязать всех граждан приводить в СИК своих собак для осмотра и регистрации. Приходится возить собак в волость за 20 слишком верст в самый разгар полевых работ.

Чем всех собак в волостном масштабе беспокоить, лучше попросить бы собачьего доктора по деревням поездить, на месте собак осмотреть. Он один, а собак много, а меньшинство, как известно, подчиняется большинству.

ХОРОШИЙ АППЕТИТ.

В поселок Березовский, Сызранского уезда, приехал агроном и остановился у председателя сельсовета Владимирова. Когда агроном, пробыв один день, уехал, председатель подал крестьянскому обществу счет за питание агронома. По его словам агроном съел 1 пуд мяса, 5 фунтов масла, 100 штук яиц, 10 крынок молока и т. д. Не знаем, как у агронома, а вот у председателя Владимирова аппетит недурной.

БУДУЩИЕ САМОГОНЩИКИ.

«Зав. яслями ф-ки им. Розы Люксембург, Наталия Боровкова, в гор. Вязниках, занимается варкой браги. Она очень грубо обращается с детьми. Сволочь—одно из ее самых ласкательных слов».

Вязниковская милиция, не зевай! Гляди в оба за подрастающими самогонщиками! Наталия Боровкова их быстро этому делу обучит.

«ВСЯ ДЕРЕВНЯ СЕРГЕЕВНА».

«Дано сие гр. дер. Козулины, Вятской волости, Анне Петровне Козулиной в том, что у нее при обыске милиции найдено браги около 3¼ ведра. Брага была приготовлена действительно для свадьбы, что и удостоверяется».

Дер. исполнитель Козулин Д.
Член Сельсовета Козулин В.

Ох, чует сердце «Крокодиле», что и жених там Козулин, и невеста Козулина!

ВЕСЕННИЕ РАДИО-ШАЛОСТИ.

Чебоксарская радио-станция уже целый месяц шалит. Вместо радио-вестников Роста она доставляет какие-то несвязные бормотания. «Нет больше сил терпеть» — вопит редакция газеты «Канаш».

Бесчувственные вы люди, товарищи-чебоксарцы! Можно сказать, весна на дворе, а по вашему выходит, что бедным радио-волнам даже раз в году пошалить нельзя.

ЕЙСКИЙ НАПОЛЕОН.

«Вы девятнадцать человек будете голодовать, а я один не буду и вы не сможете добиться своего», — заявил замзав Ейской конторой Госсельскладов Козловский на собрании сотрудников конторы, когда шел вопрос о внутреннем распорядке в конторе.

Не понимаем, зачем Козловский вообще решает общие собрания.

Этих бунтовщиков нужно вооруженной силой разогнать. Жаль только, что казаков теперь нет.

ВЕРХ СОВДУРЧЕСТВА.

В общий отдел Бийуисполкома поступила бумажка с просьбой починить печь в «Красном уголке» Городской больницы. Началось накладывание резолюций:

1. «Местхозу» (подпись).
 2. «Техчасть. Вышлите техника для осмотра. Завместхоз (подпись)».
 3. «Тов. Клименко для исполнения».
 4. Завтехстройсекцией прилагаю при сем и пр. 31/1-25 г. Техник Клименко».
 5. «Заву общим отделом... Полагаю, что печь надо разломать и сложить облегченного типа за счет местхоза. Местхоз Творогов».
 6. «Канцелярия. Оставить до приезда тов. Соколова 5/II—25 г. Зам. зав. (подпись)».
 7. «Ремонт произвести. 13/II—25. М. Соколов».
 8. «Инспектору 2-го района объявить под расписку. Зав. Уздравом на сем же. 13/II—25 г. Гаев».
 9. «Старосте объявить и вернуть мпе. Инспектор 2-го района Шаталов».
- Читал и расписался 21/II—25 г. Врач Богословский.

Печь стоит до сих пор неисправленной.

«Крокодил» накладывает резолюцию последнюю: авторов этих резолюций пришлите к делу, а дело в корзинку выбросить. Местному печнику приказать устно, без всяких бумаг, чтоб к утру печь была готова.

ДОРОГИЕ ПРОФСОЮЗНИКИ.

Председатель Ржевского отделения союза Нарпит Воробьев и секретарь союза Петров пропили 500 рублей союзных денег.

Дорогие профсоюзники, что и говорить. Мы рекомендуем ржевцам выбрать себе в следующий раз членов правления подешевле и посердитее.

НЕ ПОДУМАЛИ.

По заказу Новороссийского Госторга Петровский завод Югостали перебросил 400 пудов железа пассажирской скоростью со ст. Енакиево. Железо пришло очень быстро, но перевозка обошлась в 1.300 р., в то время, как оно само стоит не больше 900 рублей.

Арифметика, кажись, простая, чего стоило быстрым на решения хозяйственникам, хоть раз в жизни подумать и при том с карандашом в руке.

— Вот столовая «аномалия»: обед, а пива нет!
(рис. рабкора),

Половина церкви отдана под клуб, а половина попу.
(рис рабкора).

ТОЖЕ ПАРТИЙНЫЙ.

В городе Бердянске есть Рабис. В Рабисе есть председатель г. Ковалев. Ему очень надоели союзные дела, и потому никто его не мог найти. Отдыхал же он от союзных дел у театрального сторожа, нализавшись пьяный... Сместили Ковалева.

Назначена была ревизия. Рылась ревизия четыре дня и нашла, что в кассе взаимопомощи осталась одна касса... без денег. — Куда девались деньги? — спрашивают у председателя. — Дал одному двадцать, другому тридцать, вот и все... — А где же отчетность? — На это Ковалев ответил:

— Я человек партийный, перегружен до партийной линии, некогда мне отчетность вести!

— Всякие бывают партийные! Про одного такого — вроде Ковалева — как-то сказали:

— Он насчет выпивки очень даже партийный человек!

А Ковалев — и насчет растрат тоже.

Всякие бывают партии для господ Ковалевых: партия на билларде, партия в карточки, и, наконец, партия арестантов, отправляющихся на принудительные работы.

Больше всего подходит Ковалев к последней...

ЛЮБОВЬ КОШКИНА.

Работница 3-й Тверской артели инвалидов жалуется «Крокодилу»:

«Дорогой «Крокодил», ткни ты, пожалуйста, вилами в бок Кошкина, а то от него прахода нет: все пристаёт с любовью своей... Житья мне от него не стало. Может, после вила образумится».

Кошкин! Дорогой! Что с вами? Всегда вы, Кошкин, были скромным, а теперь безобразничаете, словно кот беспризорный!

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

В кабинете инспектора уголрозиска г. Туапсе по стенам развешены фотографии, оружие и другие экспонаты, а под всем этим красуется большое объявление: Посторонним смотреть строго воспрещается.

Крокодил совершенно секретно предлагает инспектору уголрозиска или убрать эти фотографии куда-нибудь подальше, или снять это объявление.

А то ни для кого не секрет, что вышло это у инспектора не совсем удачно.

СПРАВОЧКА.

16-го апреля «Труд» печатает юридическую справку со ссылкой на постановление НКТ от 28/III 1922 г., а 1-го апреля тот же «Труд» сообщает, что это постановление НКТ переработано, и печатает его в переработанном виде. Неужели нельзя прочитать свою же газету, прежде чем давать юридическую справку?

Это и делается для того, чтобы газету читали: ежели верные справки давать, так кроме справок никто и читать ничего не будет. А тут получил справочку и не денсь, — проверь по газетке то, — может, пошутили!

АВАНСОМ.

Борисовская окружная страхкасса разослала своим районным уполномоченным циркуляр за № 1036 от 15/III с. г.:

Страхкасса предлагает при появлении в местных газетах заметок с указанием на те или иные ненормальности и нежелательные явления по всем областям работы райуполномоченным, своевременно давать опровержения с представлением копий таковых в страхкассе.

Видно у страхкасс глаза велики. Авансом, значит, предлагает опровергать.

БОГОМОЛЬНОЕ УПРОФБЮРО.

Накануне особых дней отдыха рабочий день не сокращается, но арзамасское упробюро, в пятницу 17-го апреля, дало распоряжение занятия всюду прекратить в 12 часов дня. Должно быть, для арзамасцев существуют свои законы? — интересуется тов. Альфа.

А мы отвечаем: неправда! для арзамасского упробюро закон не писан, руководствуется оно «законом божьим», — надо же к выносу плащаницы поспеть! А дело не медведь.

ОБА ЛУЧШЕ.

Прибывший для обревизования и интруктурирования топалковского вика ревизор всегонского УФО Бокарев получил от сотрудников вика для ревизии «дело» с денежными документами на 1,000 листов за... 1918 год. Несчастный ревизор просидел над «делом» до глубокой ночи и не заметил, что ошибся на семь лет. Наутро Бокарев уехал, не заметив своей ошибки.

И ревизор толковый, и сотрудники вика не плохи, — забавляются!

БЕЗ БОГА НИ ДО ПОРОГА.

В Роговском сельсовете (Донецкой губернии, Старобельского округа) во время выборов председателя сельсовета на колокольне зазвонили к вечерне. И все члены сельсовета, как один, кинулись в церковь грехи замаливать.

Чем плох сельсовет? Богомольный, хороший! А вот, товарищи-роговцы, действительно, не то-го... Может, обзнались? Не церковный ли вы совет выбрали вместо сельского?

БЕЗ ВИЛЫ.

Бухгалтер Бугульминского элеватора именуется «старорежимным», заводит всяческую волокиту при выплате рабочим сверхурочных, заявляет, что его никто не исправит, а местному и РКК сообщает — «не вам, влахакам, меня учить».

И «Крокодил» за это дело не возьмется. А вот за администрацию элеватора возьмется немедленно, если она не выучит своего бухгалтера новорежимному поведению.

ВЫНОС.

Напиться можно до «положения риз», а можно и до «выноса тела».

Заведующий картонажным отделением московской фабрики «Свобода» гр. Кучеров, член РКП(б) в январские траурные дни напился у гр. Максимовой так, что его компаньоны вынесли в 12 час. ночи на руках.

Вынесли от Максимовой. Надо нести дальше, до какой-нибудь свалки. Например, до свалки вычищенных из партии.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ШВАБРЫ.

Трогательная история в девяти актах об одной швабре.

АКТ ПЕРВЫЙ.

Копия.

Председателю горисполкома г. Троицка. В виду того, что в хозяйстве ГИК'а метел и швабр нет, прошу вашего распоряжения о выдаче мне или хозяйству ГИК'а аванса на приобретение метел и швабр для школы до конца текущего учебного года по месячной норме, включенной в дополнительную смету по школе.

Завшколой № 2 НЕДБАЙЛО.

2 марта 1925 г. № 31.

АКТ ВТОРОЙ.

Первая резолюция: Техчасть на заключение 23 марта, 1925 г., КОМЛЕВ.

23 марта, 1925 года.

АКТ ТРЕТИЙ.

Вторая резолюция: Тов. Губанову—Техник Фродов.

23 марта, 1925 года.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Третья резолюция: Предгорисполкому гор. Троицка.

Докладная записка.

Настоящим сообщая на запрос завшколой № 2, метел и швабр то при хозяйстве не имеюна как метел и швабр. По сему отпустить не представляется возможным а желательно было бы чтобы сами закупили хозяйств. инвентарь если только имеюца посмети деньги на школы.

Завхоз ГУБАНОВ

23 марта.

23 марта, 1925 года.

АКТ ПЯТЫЙ.

Четвертая резолюция: Указать стоимость швабр и справку финчасть о расходе. КОМЛЕВ.

АКТ ШЕСТОЙ.

Пятая резолюция: Т. Губанову: дать справку о стоимости швабр и метел и имеются ли средства по смете. П. СОКОЛОВ.

АКТ СЕДЬМОЙ.

Шестая резолюция: СПРАВКА: Швабров 1 шт. 1 р. 50 к., метел 1 шт. 15 коп., по смете только из особого фонда по школам, 24 марта, Завхоз ГУБАНОВ.

24 марта.

АКТ ВОСЬМОЙ.

Седьмая резолюция: Хозчасть приобрести швабры и метлы возможно минимальное количество из средств особого фонда по школам.

АКТ ДВЯТЫЙ.

Восьмая резолюция. Бухгалтерию: выдать для приобретения швабр и метел из особого фонда по школам четыре рубля (4. руб.).

П. СОКОЛОВ.

31 марта, 1925 г.

К этой трагедии в десяти актах «Крокодилу» остается только прибавить один последний: взять купленные за четыре рубля швабры и метлы и вынести из Троицкого горисполкома всех засевших там володитчиков.

ЧРЕЗМЕРНАЯ ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ.

До чего народ озбаловался! Пишет нам рабкор из Бугульмы:

У нас распоряжения Бугульминского Кантисполкома, посылаемые по учреждениям города, получаются последними не в день их посылки, а через 3—4 дня, несмотря на то, что весь наш город можно за 1 час. обойти кругом.

Через 3—4 дня, и недовольны, привередники. А неделю или месяц не хотите? Избаловался народ, совсем избаловался.

ГОТОВЬ САНИ ЛЕТОМ.

В Ржевскую п/т контору получились в качестве спенодежды теплые рукавицы, вместо ожидаемых сапог.

Ну, что-ж, это почти одно и то же. Правде, рукавицы одеваются на руки, а сапоги на ноги, но кто в наше время обращает внимание на подобные пустяки.

БЛАГОПОЛУЧНО РАЗРЕШИЛАСЬ.

На фабрике «Труд», Муромского металлотреста, в селе Ваче, Владимирской губернии, высшая администрация металлотреста в лице коммерческого директора, во время часов занятий, занимается деловой перепиской по телеграфу. На конном дворе стоит кобыла, звать «Маруська», которой время жеребиться; администрация ждет с нетерпением благополучного исхода. Наконец, «Муся» разрешилась, директор коммерческой части тов. Васильев в восторге пишет текст телеграммы начальнику треста Солодовникову, который был в это время в отъезде: «Муром, Советская площадь, металлотрест, Солодовникову. Поздравляем новорожденным, «Маруська» разрешилась, вышла вся в мать. Васильев».

Что «Маруська» разрешилась, — это понятно, потому что тут дело природное, и что новорожденный похож на мать, — так это тоже вполне естественное дело, но почему же, почему головы умных директоров разрешились такой телеграммой, как две капли воды похожей на их головы?

Голова и бумажка — ведь это же не лошадь и жеребенок.

НУЖНЫ ПРОТИВОГАЗЫ.

В общежитии Реутовской Ф-ки стоят урны, которые чистятся очень редко. Урны испускают зловоние.

Прямо не общежитие, а сплошной Добрахим.

Рис. К. Ротова.

С полочкой.

СЛАВА И КОНЕЦ ПАКЛИНА.

Кто в Листвянках не знает Паклина? Маленький, веснушчатый, на левую ногу прихрамывает, усы—как кусочек половой щетки, брюки сзади и пиджак на локтях блестят, как зеркало. Никудышный, одним словом, человек.

А вот поди-ж ты: полгода, а то и больше был в городе главной душой общества. Другие из кожи вон лезли: на парижский манер чуть не до колен обрезали брюки, и ботинки из Москвы наложенным платежом выписывали, и фабрились, и фиксатуарились, и черт-е-что из себя устраивали,—а Паклина перешибить не могли. До того он всех забил—прямо сказать нельзя! Только и слышно отовсюду: Паклин да Паклин... На разные падежи-склонения его спрягают... А всего и взял-то он, как объяснилось, хитростью...

Вот как все началось. Собралось листвянское общество повеселиться в пользу беспризорных цветов жизни. Ну, конечно, поставили там спектакль „Красный генерал“, „Жан Поль Марат“ из французской революции и „Тещу выкуривают“.

После спектакля—бал, а до бала—промежуток времени. Вот этим-то промежуток Паклин и воспользовался. Сидят все, скучают. А Паклин из-за угла этак скромненько вдруг заявляет:

— А знаете, через некоторое время холода будут. Метеорологическая станция определенно сообщает. Ожидается большой антициклон в средней России.

Тут его, Паклина, Сергей Авдеич из финотдела перебивает:

— Виноват, говорит, товарищ Паклин, в газетах этого нет. Может быть, вы прошлогоднюю какую нашли?

Все засмеялись, а Паклину хоть бы что:

— Этого, говорит, и не могло быть в газетах. Это только будет. Денька через четыре губернские газетки получите и прочтете. Кстати и еще могу предсказать... Мозговал я своим умишком насчет политики... Так вот—Эррио французский неминуемо подаст в отставку.

Уставились все на Паклина: человек беспартийный, уж не с ума ли сошел? Ну, нет, смотрит Паклин безболезненно и даже улыбается.

— Веселье, говорит, тут кстати я частушки сочинил. Если желательны, продекламирую...

И начал припевать. И что вы думаете? Прекрасные частушки: и про политику, и про все. Смешно,—мы прямо животики надорвали.

Сергей Авдеич из финотдела трет себе лоб: — Ни в одном, говорит, журнале я не читал этих частушек... а я все читаю... Ужли же сам он выдумал?

А Паклина уже барышни окружили, еще просят. Паклин и еще спел. Потом рассказ веселый рассказал. Поговорил насчет музыки—дескать, „Садко“ очень необыкновенная опера—и два мотивчика даже насвистал. Ну, местные души общества сидят все, словно воды в рот набрали—один Паклин изливается... Даже с танцами из-за него запоздали.

А стали танцевать—на Паклина прямо хоть очередь записывай. Даже дочка возрожденного нашего нэпа—купца Анникеева—и та с Паклиным фокстротный па-д'эспань танцевала...

С этого вечера все и пошло. Начал Паклин все события наперед за несколько дней предсказывать. Стал некоторых девиц без книг обучать эсперанту. — „Я, говорит, по своим старым запискам“. Лекции целые читал по международному вопросу, о сельском хозяйстве и есть ли бог.

Наши листвянцы просто с ума сбились: на глазах такое превращение! Из простого счетовода при конторе „Хлебопродукт“ — и вдруг культурный центр города с таким умом и знанием. И ведь сразу, сразу—чик и готово! Другой человек.

Пошел Паклин в гору. Общественные лица стали к нему за советами ходить, девицы в него влюблялись пачками... Даже на службе повысили его на два разряда.

И уж совсем-было на мази была свадьба Паклина с купеческой дочерью нэпа—Олечкой Анникеевой. Девица прямо в безумие пришла:

— Мне, говорит, наплевать, что усы, как щетка! Мне, говорит, наплевать, что брюки блестят. У него, говорит, голова блестит—он самый интересный человек в городе.

А тут все и объяснилось.

Заезжий из губернии техник проходил мимо Паклинского дома, поглядел на крышу да и скажи:

— Ах, говорит, и у вас уж радио появилось! Давно, говорит, пора!

Тут все Листвянцы и хлопнули себя по лбу:

— И как это раньше не догадались! До чего народ мы провинциальный!

Ну, конечно, сразу впал тут Паклин в ничтожество. Потому что... гляньте-ка в окно: как сети рыбацкие висят по улице нашей антенны.

И Анникеевская дочь Паклина публично в глаза метила плюнуть, да промахнулась.

Истинно сказал какой-то мудрец:— Удивительно то, что ново. Эту истину нужно бы всем внушить, прямо передать на волне тысяча четырехста пятьдесят метров.

Вас. Лебедев-Кумач.

ПОЧТОВЫЙ.

(Заметки „жесткого“ пассажира).

Очень прекрасный в нашем городе Москве Брянский вокзал. Самые лучшие архитекторы его строили, самые наилучшие во всей Московской губернии конопатели замазками стеклянный колпак над крытым дебаркадером, и носильщики здесь упредительные, и кассиры здесь такие расторопные, что не успеешь за билет банковую ноту предъявить, а тебе уже сдачу суют...

То есть, такой превосходный вокзал, что...

Вот с поездами тут дело поестрее обстоит.

Ежели, конечно, скорым поездом часы коротать и чистоганом беспересадочно мчать Москва—Одесса с вагон-ресторанами, чего ж бы не так? Такими поездами очень лестно ездить туда, обратно и куда пожелаешь.

Но для нашего брата „жесткого“ и, между прочим, необремененного многими червонцами пассажира есть в обращении до ст. Киев—поезд почтовый, номер три, и купивши у благороднейшего кассира билет в конечную станцию и тоже с плацкартой (как у „благородных скорых“), выхожу я вместе с другими на предмет посадки в ту самую сторону, где наш состав по ночному времени в тусклости мигал.

И вижу я—возле каждого вагона такой, с позволения сказать, хвостик вытянулся, что порешил я по своему общественному сознанию: — Это еще не посадка. Это—железнодорожные выборы в московский совет!

Когда—нет, смотрю:выборщики с узлами и корзинами. Пассажиры. Мать ты моя честная—куда столько народу? А проводник, что у вагонного входу билеты фонарем просвечивал, мне же на мое громкое удивление возразил:

— Ничего, гражданин! Пассажир, что селедка. Умнетесь!

Дошел черед и до меня в вагон уминаться. Засветил проводник фонариком мой билет и сам засветился.

— Постеснитесь вам, гражданин, придется. Ваш номерок семнадцатый, а еще два семнадцатых номера до вас в середку прошли!

— Позвольте, позвольте! Это, говорю, формальное безобразие: место одно, а нас, извините за выражение, трое!

— А вы, гражданин, не горячитесь, потому, во-первых, что вагончик-ваш не спальный, и еще потому, что лицо я должностное и на себя горячиться отнюдь не позволю!

— А может и я—должностное лицо?—криком отвечаю проводнику.

— Должностное лицо? Так и восседайте на своих должностях. Должностные личики не пассажирствуют!

И вперся тут я в человечесью густоту. Бе-да. Народ свернулся в несколько погубелей, занимая места вплоть до вешевой полки и „купе“ под лавкою. Но проводнику нашему было подобного скопления недостаточно и после трех звоночков он огласил нам нижеследующую инструкцию:

— Ежели вагон не есть спальный и ежели пассажиры друг на дружке только что верхом сидят, то этого весьма недостаточно, а еще десять процентов народу сверх превышенной нормы надлежит запихнуть в вагончик.

И вот уже после гудка с трезвоночником от'езжает наш почтовый и скачет через шпалы по рельсам, от'езжая три телеграфных столба в час. Доезжает до первой сторожевой будки—стоянка. Доезжает до второй будки—то же самое. А на полустанке—и весь тебе ночлег. Очень исключительная, доложу я вам, езда.

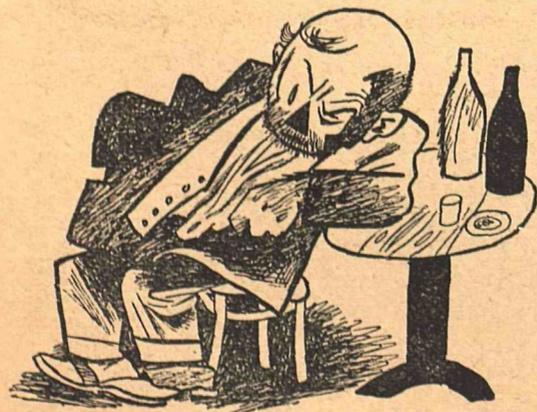
Жаль только, что чаще одного разика в год не доводится ездить пассажиру на почтовом. Такая уже дистанция: разик ездешь—годик болеешь. А болеючи вздохнешь:

— Очень распрекрасный Брянский вокзал в Москве, век бы в нем сидел, да ни в какие „почтовые“ не пересаживался!

Л. Митницкий.

НЕСЧАСТНЫЕ

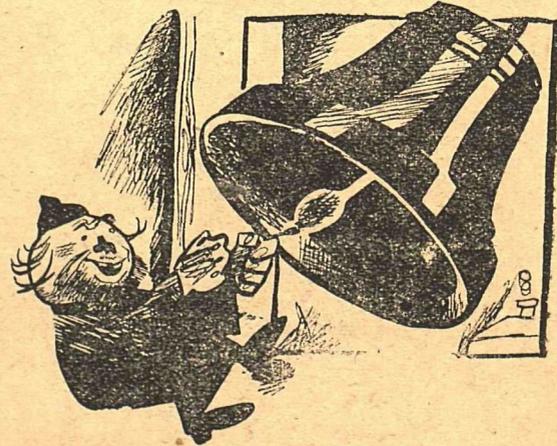
Рис. Ю. Ганфа.

Захлебнулся.

Тяжкие ожоги.

Нарушение общественного порядка.

РАССКАЗ УКЛОНЯЮЩЕГОСЯ,

По нынешним временам баня — вещь опасная.

Потому классовая борьба, как говорится в политграмоте, требует, так сказать, углубления противоречий. И если ты купец, — то и вид принимаешь купецкий, как на плакатах в компании с попом и царем рисуется. Если коммунист, ответработник, — то уж, будь добр, портфеля из рук не выпускай и мандатом, стало быть, перед носом щелкай по мере сил.

А в бане какой может быть портфель или мандат, ежели человек, извиняюсь, безо всего? Даже очки в предбаннике оставлены, и не знаешь, какие они: роговые с новомодным уклончиком, или старые, оловянные, ниткой обвязанные. А если теперь сложение у человека среднее, живот не втянутый, но и без складок, то, прямо скажу, свою классовую линию в таком окружении провести до чрезвычайности тяжело.

Меня - то уж, кажись, провести трудно. С 21 года из патентов не выхожу, и, между прочим, до последнего времени по дому безработным числился, по профессии — за одну прислугу со стиркой. Это я-то, при моей комплекции, — за одну прислугу.

Ну-с. Только на той неделе в бане подходит ко мне гражданин, из себя довольно даже худой, ребра, прямо скажу, так торчат, что вот-вот, думаешь, занозишься об них. И, упершись мне пальцем пониже ключицы (пуговиц-то на голом человеке не имеется, вот и приходится к суррогатам прибегать), довольно ехидно спрашивает:

— Как я вас знаю, что у вас патент 3-го разряда, то не можете ли вы мне помочь советом, совершенно, так сказать, секретнобеременным, насчет того, чтобы налогу хоть половину скостили?

Вообразил это я его сейчас же в штанах и прочем кожаном, на пальцы смотрю — в красных чернилах, от резолуций еще не отмылись, — и до того, знаете, явственно у него портфель под мышкой предстался, а в руке, заместо шайки, — мандат полуаршинный, что даже в дрожь бросило: не люблю я в интимной обстановке коммунистам показываться. Не люблю. Д-да-с.

— Что вы, — говорю, — что вы, мне, как честному советскому гражданину, такое слышать хуже, чем болгарский террор! Я даже для себя за честь почитаю платить налог в неограниченном количестве и в точно показанные сроки. После бани это мне первое удовольствие и тоже вроде бани, — говорю.

Пожал плечами, отошел, знаете. Только ключицей на ходу уколол кого-то: такая худая, ответственная ключица.

А я до того покраснел, что прямо и париться не стоит, бросай ве-ник, да и все. И никак отдышаться не могу.

А тут рядом гражданин находился, довольно симпатичный, и молчалку одолжал.

— Что это, говорит, с вами? Не парившись, упарились.

От полноты чувств и избегнутой, так сказать, скрытой опасности я ему все и рассказал. И про предложение ехидного свойства и про мой вдумчивый отказ. А гражданин смеется:

— Да, говорит, нынче от налога уйти трудно.

Взяла меня в те поры амбиция, что он такого пессимизму держится

— Ну, говорю, не скажите.

— Нет, говорит, скажу!

— Нет, не скажите!

— Нет, скажу!!

— Нет, не скажите!!

— А почему-ж, говорит, и не сказать?

— Да хотя бы потому, что мне первому завтра налог платить, и я не я буду, если у фининспектора половины не сниму.

— А как же, говорит, вы это сделаете? Что-то, мол, не верится.

Я еще пуще в амбицию.

— Так, говорю, и так. Нешто этот дурак догадается у меня в магазине за китом правильные товарные книги найти? Ни в жисть. А без тех книг больше половины налога ему не видать.

— Ну, — говорит гражданин, — может, еще и догадается. Об этом можно и об заклад биться.

И побились мы. Об заклад.

А утром прихожу к инспектору — гляжу — он! Гражданин-то, с которым я об заклад бился, и есть фининспектор.

— Наше вам, — говорит, — почтенный! Налог уменьшать и не пресите: кому-ж охота в споре проигрывать? А за утайку книг вам, говорит, такая-то статья уголовного кодекса. Повесточку своевременно получите.

Вот и доверяй теперь внешности. Хотя самой натуральной, незагримированной, безо всего.

А самое обидное, что скелет-то, который меня так подвел, — купцом оказался из переулка напротив моей лавки. И как это я его не признал, — понять не могу. Должно, уж очень он худ без платья. И не верится, что купец таким может быть. А пальцы в чернилах, потому все заявления писал в финотдел.

Нет, опасная нынче вещь — баня.

В. Ардов.

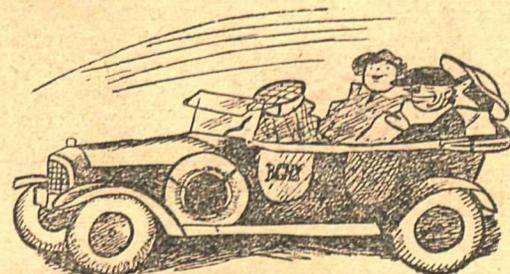
СЛУЧАИ В ЖИЗНИ.

Неисправный дымоход.

Жертва уличного движения.

Неосторожная езда.

„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“

изд. ЦК РКП (б).

Ежедневная газета трудящихся СССР, дает полное отражение жизни и быта трудящихся всего мира.

„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ ИЗДАЕТ ЖУРНАЛЫ:

„КРОКОДИЛ“

Еженед. сатирический журнал

Год издания 4-й.

„Крокодил“ нещадно бичует врагов рабоче-крестьянской страны, приговорает к позорному столбу волокитечек, взяточников, казнокрадов, излачей, спекулянтов, отравителей-самогонщиков и прочую нечисть. Подписная плата на 1 месяц на „Крокодил“ вместе с „Рабочей Газетой“ ОДИН РУБЛЬ.

Подписка на „Крокодил“ без „Рабочей Газеты“ не принимается.

„ЭКРАН“

2-недельный литературно-художественный журнал, с многочисленными иллюстрац.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Повести. Очерки. Маленькие фельетоны, Стихотворения, Хроника литературы и искусства, рисунки и фотографии, отражающие современную жизнь.

Подписная плата на 1 мес. отдельно от „Рабочей Газеты“ — 50 коп.

„ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“

Ежемесячный научно-популярный журнал.

„ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“

Знакомит читателей с новейшими достижениями современной науки и техники, особенно в области электрификации, радио, строительства и радиолубительства.

Подписная плата на 1 месяц отдельно от газеты — 50 к.

„РАБОТНИЦА“

Двухнедельный журнал для работниц.

Орган Отдела по работе среди женщин при ЦК Р.П.

В журнале печатаются статьи, рассказы, стихи, а также фотографии и рисунки из быта работниц.

Подписная плата отдельно от газеты на 1 месяц — 40 коп.

„ЮНЫЕ СТРОИТЕЛИ“

Двухнедельный журнал для подростков от 10 до 15 лет.

Год издания 3-й.

журнал выходит два раза в месяц в красочной обложке со множеством иллюстраций.

Подписная цена на 1 месяц отдельно от газеты — 40 коп.

„МУРЗИЛКА“

Журнал для детей младшего возраста от 4 до 7 лет.

Год издания 2-й.

Выходит ежемесячно книжками, отпечатанными крупным шрифтом, со множеством рисунков и с обложкой в красках и 2-х красочными рисунками. В каждом № приложения в виде картин для вырезывания и склеивания: игрушки, модели, панорамы, макеты театра, цирка и пр.

Подписная цена на 1 мес. 40 к.

Журналы входят в следующие издания „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“:

2-е издание

1) „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ 2) „КРОКОДИЛ“ — Цена 1 р. в мес.

3-е издание

1) „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ 2) „КРОКОДИЛ“ 3) „ЮНЫЕ СТРОИТЕЛИ“ 4) „РАБОТНИЦА“ — Цена 1 р. 55 к. в мес.

4-е издание

1) „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ 2) „КРОКОДИЛ“ 3) „ЭКРАН“ 4) „ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“ — Цена 1 р. 70 к.

5-е издание

1) „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ 2) „КРОКОДИЛ“ 3) „ЭКРАН“ 4) „ЮНЫЕ СТРОИТЕЛИ“ 5) „РАБОТНИЦА“ 6) „ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“ — Цена 2 р. 35 к. в мес.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В МОСКВЕ: Главная контора „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“, Охотный ряд, 7.

В ЛЕНИНГРАДЕ: В отделении „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“ — Проспект 25 Октября, д. 82.

В СЕВПЕЧАТИ — Проспект 25 Октября, д. 1 и во всех ее отделениях.

В ПРОВИНЦИИ: Во всех отделениях „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“ и во всех почт.-тел. отделениях СССР.

В Нью-Йорке организовано общество для борьбы с паразитами: клопами, вшами, крысами и т. д.

Ю. Ганфа.

— Мы тут к вам — уничтожить паразитов... Да вы не беспокойтесь, мы по части мышей и клопов...